

ТЕОЛИНГВИСТИКА В КОНТЕКСТЕ МЕТАМОДЕЛИРОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ ДИСЦИПЛИН В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

В.И. ПОСТОВАЛОВА

aroni4@yandex.ru

д-р филол. наук,

профессор, главный
научный сотрудник

Института языкознания

Российской академии наук

Москва, Россия

Ключевые слова:

*гуманитарное познание,
теолингвистика,
лингвистическая реальность,
интегративная дисциплина,
мета моделирование*

DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.008

В статье проводится эпистемологический анализ оснований и путей формирования новой интегративной дисциплины – теолингвистики, направленной на изучение взаимосвязи языка и религии в ее конфессиональном многообразии. Теолингвистика рассматривается в широком культурно-историческом контексте, в единстве ее различных форм и аспектов как необходимый момент в развитии гуманитарного познания и духовной жизни современного общества. На основе становления православно-христианской теолингвистики поднимается вопрос о создании эпистемологического стандарта для мета моделирования интегративных дисциплин в современной науке. Цель такого стандарта – выработка критериев для оценки целесообразности, а также научности-ненаучности интегративных построений в гуманитарном познании. С позиций данного стандарта актуальная для современного познания тема «Лингвистика и «нелингвистика» предстает как металингвистическая проблема поиска разумных самоопределений науки о языке в условиях смены научных парадигм.

В статье «Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии» Е.Л. Березович поднимает и развивает актуальную для современного гуманитарного познания тему о существовании в современной науке так называемых псевдонаучных построений. Под такими построениями Березович понимает «исследовательские положения, которые либо не могут быть верифицированы с помощью процедур анализа, принятых в данной научной дисциплине, либо являются «пустыми», не требующими для своего доказательства научных изысканий» [1: 132]. Е.Л. Березович избирает в качестве материала для своего аналитического исследования лингвокультурологию, поскольку, по ее наблюдениям, именно в этой области лингвистического знания в последнее время «псевдонаучные построения встречаются особенно часто» [1: 133].

Хотя, по словам автора, «вести борьбу следует не с этим научным направлением вообще, а с отдельными работами и авторами», основное внимание статьи направлено именно на обсуждение эпистемологического и онтологического статуса лингвокультурологии как одной из новых интегративных дисциплин в современной лингвистике. В завершение своего анализа Е.Л. Березович выражает надежду на то, что «в нашей науке, как и прежде, будут работать механизмы саморегуляции, позволяющие преодолеть нынешний методологический кризис» [1: 137].

Круг теоретико-методологических вопросов, касающихся квалификации того, является ли конкретное интегративное построение по изучению языка научным или ненаучным, а также лингвистично ли оно или нелингвистично, относится к жанру исследований, получивших в философии науки название «внутринаучной рефлексии». Специфику внутринаучной рефлексии, или, другими словами, самосознания науки,

так поясняет Ю.С. Степанов во введении к монографии «Гипотеза в современной лингвистике»: «Она (данная книга. – В.П.) написана лингвистами и прежде всего для лингвистов... В центре этой книги – один вопрос: Как развивается лингвистика, по мнению самих лингвистов? Как вообще развивается какая-либо конкретная наука, по мнению представителей самой этой науки? Этот актуальный вопрос получил в настоящее время и особое обозначение – «рефлексия ученых над своей наукой», «внутринаучная рефлексия» [11: 12].

С позиции философии науки наличие в научной дисциплине уровня внутринаучной рефлексии, направленного на осознание самой наукой своих методологических функций, оснований и ценностей, является показателем зрелости этой науки. Таковой «зрелой» в эпистемологическом смысле наукой является и лингвистика. Высокие образцы глубокой внутринаучной рефлексии заданы в классических лингвофилософских работах В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Э. Бенвениста и многих других. Такие образцы запечатлены также в творческих опытах отечественных лингвистов нашего времени – А.А. Реформатского, Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова, Р.М. Фрумкиной и др. Именно в их работах были отрефлектированы многие из тех «механизмов саморегуляции», позволяющих, по мысли Березович, преодолевать методологические кризисы в научном познании.

Существующие трудности, связанные с оценкой эпистемологического статуса и экспланаторных (объяснительных) возможностей современных интегративных исследований, свидетельствуют о необходимости проведения теоретико-методологической экспликации «механизмов саморегуляции», характерных для научного познания в области лингвистики. И в особенности таких механизмов, которые имеют непосредственное отношение к дисциплинам интегративного характера. Усилиями ученых разных областей знания необходимо выработать эпистемологический стандарт, позволяющий давать ответы на неотложные вопросы нашего времени о лингвистичности или нелингвистичности, а также научности или ненаучности существующих и появляющихся интегративных построений.

Представляется, что такой эпистемологический стандарт предоставит единый методологический инструментарий для разработки и оценки построений в рамках различных интегративных дисциплин. Он будет способствовать, несомненно, и преодолению непонимания среди лингвистов разных школ и направлений. Или, другими словами, разрешать возникающую в данной коммуникативной ситуации «языковедческую девилонизацию» [2: 126].

В нашей статье упомянем некоторые из наиболее важных эпистемологических принципов для оценки целесообразности и научного статуса интегративных построений в гуманитарном познании. А затем на основе этих принципов рассмотрим специфику конструирования новой интегративной дисциплины – теолингвистики, направленной на изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и религии в ее конфессиональном многообразии. Данная дисциплина формируется в современном гуманитарном познании на пересечении двух различных сфер – теологии в ее предельно широком истолковании как религиозного видения реальности и лингвистики как осмысления жизни языка.

Интеграция данных сфер в едином концептуальном пространстве и дает начало появлению новой области знания – теологолингвистики, или сокращенно теолингвистики. Хотя в отечественной традиции более распространен термин «богословие», а термин «теология» воспринимается как тесно связанный с западноевропейской культурной традицией, в современной отечественной культуре именно термин «теология» избирается для наименования новой университетской дисциплины по основам богословия в силу своего наибольшего «терминологического соответствия и созвучия традиционным университетским наукам» [8: 9]. Эта последняя установка находит свое выражение и в названии теолингвистики.

С позиции эпистемологического стандарта вопрос о научности или ненаучности интегративного построения может адекватно решаться только в рамках определенного понимания науки. При всей кажущейся очевидности того, что есть наука и каковы ее отличительные особенности, такое представление является обманчивым. Образ науки в культуре является исторически изменчивым и динамическим по своему характеру. В истории науки обычно выделяют два главных периода – классический, охватывающий время с XVII в. и до начала XX в., и постклассический, или современный, с позиции которого изучаемая реальность для научного менталитета предстает «не наличной, но всегда искомой» [6: 98]. Она выступает не как непосредственно наблюдаемая и определенная данность объективного мира, но как его невидимая грань, высвечиваемая с помощью особых исследовательских приемов. Обнаружение каждой такой новой грани – вновь открываемого ракурса реальности – знаменует собой открытие «новой реальности» для научного мышления. Именно такой гносеологический смысл имела в виду Р.М. Фрумкина, когда говорила об обнаружении «как бы «новой» реальности при «расшатывании» парадигмы и «выходе науки за пределы уже освоенных территорий» [12: 84].

С точки зрения эпистемологии науки главная особенность научного постижения мира, в отличие от религиозно-мифологического и философского, сводится к трем моментам. Во-первых, научное постижение касается понимания не всей действительности в целом, а лишь ее определенных фрагментов — каких-либо ее определенных срезов. В современном гуманитарном познании для наименования языкового ракурса (границы, среза) действительности, воспринимаемого через призму особых теоретических средств (парадигм) видения, стали использовать понятие «лингвистическая реальность». Философы языка и методологи говорят также о различных разновидностях лингвистической реальности — таких как психолингвистическая, лингвокультурологическая, теолингвистическая и т.д., — выделяемых в зависимости от избрания конкретных ракурсов постижения языка в соответствующих дисциплинах. Во-вторых, научное познание осуществляется в предметной форме, или предметно. И, в-третьих, научное постижение «парадигмально». Это значит, что постижение изучаемой реальности осуществляется в нем с помощью особых призм познания (парадигм).

Среди конститутивных черт науки называют также истинность, проблемность, системность, рефлексивность, или обосновываемость (эмпирическая и концептуальная) производимого знания, интересубъективная проверяемость. Игнорирование многих из таких моментов или искаженное их понимание может приводить к появлению псевдонаучных построений.

С точки зрения эпистемологии представление о научности или ненаучности построений должно руководствоваться базисными принципами функционирования науки. Так, появление новой научной дисциплины должно иметь свою внутреннюю и внешнюю мотивацию, отсутствие которой может подвергать сомнению целесообразность создания такой новой дисциплины.

Известно, что с внутринаучной позиции создание новой дисциплины в составе какой-либо сферы гуманитарного знания начинается с обнаружения фактов, которые по какой-то причине или не попадают в круг рассмотрения существующих дисциплин или не могут получить в них адекватного объяснения. Задачу научного постижения фактов такого рода в той мере, в какой это доступно для рационализации, и берет на себя новая дисциплина, превращаясь на продвинутом уровне своего формирования в экспланаторную (объясняющую) теоретическую дисциплину.

Именно такая ситуация наблюдается в современной науке о языке, за пределами внимания которой остаются такие сокровенные моменты духовной реальности, как сотворение мира словом, райский язык, глоссолалия, литургическая

практика Церкви и литургический язык, мистико-аскетическая практика умного делания (священнобезмолвие) и др. Осмыслением фактов такого рода и занимается теолингвистика в православно-христианском варианте построения данной дисциплины. Или, более кратко, православно-христианская теолингвистика, имеющая специальные категориально-понятийные средства для осуществления теоретического представления теолингвистической реальности в ее полноте.

Что касается внешней мотивированности появления новой научной дисциплины, то такое ее появление должно находиться в соответствии с общими тенденциями познавательных процессов в культуре. Так, возникновение теолингвистики как самостоятельной интегративной дисциплины не является для гуманитарной мысли чем-то неожиданным. Оно вписывается в общий культурно-исторический контекст формирования современного лингвистического и гуманитарного познания, для которого характерны следующие две тенденции. Во-первых, возвращение гуманитарной и лингвистической мысли к основным установкам антропологической программы В. фон Гумбольдта, направленной на изучение языка в тесной связи с сознанием, культурой и духовной жизнью человека. В русле этой тенденции появление теолингвистики предстает как закономерное заполнение одной из лакун в системе лингвистической науки [4: 166]. Во-вторых, установка современного познания на «интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру» [8: 5]. Такое интегрирование теологического знания в мировоззрение и культуру возвращает гуманитарное познание к своим религиозным истокам с его целостным видением реальности.

Религиозные корни современные исследователи пытаются усмотреть и в генезисе науки о языке, обращая внимание на теолого-прагматический характер первоначального лингвистического знания. По утверждению А.К. Гадомского, «языкознание возникло как теоязыкознание (теолингвистика) и только с веками приобрело светский характер» [5: 288]. Изначально же оно «в первую очередь служило потребностям Церкви и занималось исследованием религиозного языка» [5: 288].

Создание любой научной дисциплины начинается с установления ее предметной области, или универсума объектов, подлежащих осмыслению в данной дисциплине, и последующего определения ее предмета изучения. Особую сложность задание предмета исследования в научном познании приобретает при конструировании дисциплин интегративного плана, где осуществляется объединение в едином мыслительном пространстве концептуальных представлений из разных дисциплин или даже сфер знания. В случае

теолингвистики – теоретических представлений из лингвистики как научной дисциплины и теологии (богословия). Трудность заключается в том, что здесь должно произойти такое соединение концептуальных представлений, при котором они должны предстать в едином теолингвистическом пространстве как гомогенные (однородные) образования («идеальные объекты»), относящиеся к единому предмету изучения.

В этой методологической процедуре центральная роль отводится принципу «концептуальной релевантности». Очевидно, что при конструировании теолингвистики в концептуальное пространство этой новой дисциплины войдут только такие теологические и лингвистические представления, которые являются релевантными для установления взаимосвязи языка и религии. В теолингвистике таковыми будут понятия символа, личности и синергии.

Первоначально при создании новой научной дисциплины речь может идти лишь о некоторой предметности, которая предстает в творческом сознании исследователей сначала как некий смутный интуитивный образ постигаемой реальности. При этом представления о предметности своей науки у исследователей из разных интегрируемых сфер знания могут значительно различаться. Для лингвиста-лексикографа «теолингвистическое» будет относиться к области описания религиозной лексики и ассоциироваться в первую очередь с миром смыслов и значений. Для священника, живущего в мире литургического богослужения и опытно знающего духовную силу имени, «теолингвистическое» будет неким синонимом синергийного понимания Имени Божия, мистически тождественного Фаворскому свету.

С позиции эпистемологии важнейший вопрос внутринаучной рефлексии о понимании лингвистического и границах лингвистики имеет смысл только в рамках определенных парадигм познания, различающихся широтой контекста рассмотрения лингвистической реальности. В таких подходах объект исследования, воспринимаемый сквозь призму понятийно-категориальных средств определенной научной дисциплины, может трактоваться более широко или более узко. А.А. Реформатский, разделяя позицию структурализма, связывал с «лингвистическим» только то, что относится к структуре языка и считал излишним вносить в теорию языка как лингвистически нерелевантные моменты языкотворческой активности, касающиеся связи языка с культурой и повседневной жизнью [9: 111].

Известно, что Л. Ельмслев, с именем которого связана наиболее радикальная версия структурно-функциональной парадигмы представления языка, считал имманентно-семиотический подход лишь первым шагом на пути изучения

языка. По его словам, на заключительном этапе «лингвистическая теория... приходит к признанию не только языковой системы в ее схеме и узусе, в ее всеобщности и ее индивидуальности, но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка» [7: 381]. На данном этапе, резюмирует Ельмслев, «лингвистическая теория достигнет той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» [7: 381], т.е. человечности и всеобщности.

Наиболее широкое понимание лингвистического из всех существующих в гуманитарном познании подходов характерно для теолингвистики, которая включает в предмет своего рассмотрения и так называемый «литургический язык». Или «язык Божественного Откровения, молитвы, богословия и других отношений между Богом и людьми» и призванный «порождать в умах и сердцах молящихся ощущение иного мира, высшего» [10: 229].

В лингвистической мысли ближе всего к истолкованию теолингвистической реальности подходит онтологическое направление в науке о языке, исходящее из представления о том, что между языком и реальностью постулируется не условно-субъективная, конвенциональная, но сущностная, или бытийственная, связь. Этим теолингвистический подход отличается, например, от понимания лингвистической реальности в классическом имманентно-семиологическом подходе. Т.В. Булыгина, называя важнейшей лингвоспецифической характеристикой языка именно конвенциализацию, считала целесообразным включать в лингвистическое описание только то, что относится в языке к «конвенциональному» плану [3: 291].

Важный момент при установлении эпистемологического статуса создаваемой интегративной дисциплины касается того, конструируется (конституируется) ли такая дисциплина как автономная и самостоятельная научная дисциплина со своим специфическим предметом изучения или же она выступает как составная часть других дисциплин и сфер познания (например, лингвистики, культурологии или философской антропологии). Предстает ли она как некая междисциплинарная научная дисциплина или же как свободное коммуникативное пространство для встреч и общения представителей разных сфер гуманитарного познания и деятельности. В случае теолингвистики – лингвистов и богословов. Теолингвистика в современных вариантах ее построения выступает в двух своих вариантах: как целостная интегративная синтетическая дисциплина и как пространство («поле») взаимодействия и содружества богословия и светских наук о языке.

Построение развернутого эпистемологического стандарта для оценки и конструирования интегративных дисциплин – дело будущего.

В данной статье мы обратили внимание на важность постановки этой задачи. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Псевдонаучные построения в современной лингвокультурологии // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Ч. 1. Оренбург, 2018.
2. Булыгина Т.В. Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. М., 1964.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
4. Гадомский А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. 2004. Т. 1. № 49.
5. Гадомский А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. 2007. Т. 20 (59). № 1.
6. Геронимус А. Современное знание в свете антропологии преподобного Максима Исповедника // Богословская конференция русской православной Церкви. Учение Церкви о человеке. М., 2002.
7. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
8. Назаров В.Н. Введение в теологию: Учебное пособие. М., 2004.
9. Реформатский А.А. Фонологические этюды. М., 1975.
10. Софроний (Сахаров). Видеть Бога как Он есть. Essex, 1985.
11. Степанов Ю.С. Введение // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.
12. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.

References

1. Berezovich E.L. Psevdonauchnye postroeniya v sovremennoj lingvokul'turologii // Chetvertye Moiseevskie chteniya: nacional'nye i regional'nye osobennosti yazyka. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii. Ch. 1. Orenburg, 2018.
2. Bulygina T.V. Prazhskaya lingvisticheskaya shkola // Osnovnye napravleniya strukturalizma. M., 1964.
3. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M., 1997.
4. Gadomskij A.K. O lakunah v sisteme lingvisticheskoy nauki: problema vzaimodejstviya yazyka i religii // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2004. T. 1. № 49.
5. Gadomskij A.K. Religioznyj yazyk – teolingvistika – yazykoznanie // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universitetata imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. 2007. T. 20 (59). № 1.
6. Geronimus A. Sovremennoe znanie v svete antropologii prepodobnogo Maksima Ispovednika // Bogoslovskaya konferenciya russkoj pravoslavnoj Cerkvi. Uchenie Cerkvi o cheloveke. M., 2002.
7. El'msl'ev L. Prolegomeny k teorii yazyka // Novoe v lingvistike. Vyp. 1. M., 1960.
8. Nazarov V.N. Vvedenie v teologiyu: Uchebnoe posobie. M., 2004.
9. Reformatskij A.A. Fonologicheskie etyudy. M., 1975.
10. Sofronij (Saharov). Videt' Boga kak On est'. Essex, 1985.
11. Stepanov Yu.S. Vvedenie // Gipoteza v sovremennoj lingvistike. M., 1980.
12. Frumkina R.M. Est' li u sovremennoj lingvistiki svoya epistemologiya? // Yazyk i nauka konca 20 veka. M., 1995.

V.I. Postovalova

THEOLINGUISTICS FROM THE PERSPECTIVE OF METAMODELING OF INTEGRATIVE BRANCHES OF KNOWLEDGE IN HUMAN SCIENCES

Human sciences, theolinguistics, linguistic reality, integrative branch of knowledge, metamodeling.

The article deals with epistemic analysis of the ways of formation of a new integrative branch of knowledge – theolinguistics, which is aimed at studying the connection between language and religion with its confessional diversity. Theolinguistics is addressed in the broad framework of cultural and historical context, in the unity of its various forms and aspects, as a necessary element in the development of human sciences and spiritual life of modern society. The article brings up the issue of epistemic standard on the basis of the formation of Orthodox-Christian theolinguistics. The objective of this standard is the development of the evaluation criteria of the viability and scientific relevance of such formations. In terms of this standard, the currently important issue of the opposition Linguistics-Non-linguistics is considered a metalinguistic issue connected with the self-identification of linguistics during scientific paradigm shift.